V

Повесть „О взятии Царьграда от фряг", вне всякого сомнения, следует признать памятником древнерусского литературного языка старшей формации. Структура языка, отразившаяся в ней, типична для периода его развития до татаро-монгольского завоевания. Изучению языка повести в целом должно быть посвящено специальное исследование. В настоящей статье я коснусь этой темы лишь постольку, поскольку с вопросом о некоторых особенностях языка списка *С* связано отнесение повести к новгородской литературе.

Большинство исследователей включают повесть в новгородскую по происхождению литературу, между тем это утверждение вызывает ряд сомнений.

Список *С*, как уже отмечалось, ни в коей мере нельзя считать протографом. Новгородская первая летопись, как было указано Б. М. Ляпуновым и А. А. Шахматовым, включает в себя довольно много сказаний, несомненно не новгородских, а южнорусских по своему происхождению: под 1210 годом — поход Всеволода на Рязань (Лаврентьевская летопись — под 1217 годом), под 1218 годом — повесть об убиении Глебом и Константином, князьями рязанскими, своих братьев (Лаврентьевская летопись — под 1217 годом), под 1224 годом — обширная статья о Калкском побоище, под 1230 годом — о землетрясении, ощущавшемся в южной Руси, и т. д.[1]

Источником перечисленных и ряда других статей А. А. Шахматов склонен был считать восстановленный им так называемый „Владимирский полихрон" начала XIV века. В настоящее время существование „Владимирского полихрона" не признается доказанным. В. Л. Комаровичем с достаточной вероятностью было выдвинуто предположение об использовании Новгородской первой летописью погибшего летописного свода рязанского князя Ингваря[2] в качестве одного из источников.

Как бы то ни было, не исключается возможность, что наша повесть попала в *С* из какого-либо не новгородского памятника. Язык повести, действительно, не содержит особенностей новгородской речи, и ряд явлений скорее указывает на ее южнорусское происхождение.

Правда, фонетическое оформление некоторых слов в списке *С* носит явно новгородский характер. Сюда отнесем довольно систематическую взаимную замену аффриката „ц" на „ч": „чесареви" (из „цесареви"), „сьлнчю" (2 раза); „Исаковиць" (9 раз), „Исаковицемь", „исьциниша" (из „исчиниша"), „привлече", „полуноци". Однако следует особенно отметить, что это явление мы наблюдаем только в списках Новгородской первой летописи, и то не вполне последовательно; что же касается списков Еллинского летописца и зависимых от него (например *М*), то они вовсе свободны от указанной особенности (один случай написания „Исаковицом" в списке *Б* может быть отнесен за счет следов позднейшей, уже в XV веке, переписки его рукой новгородского писца). Отражением новгородского произношения, возможно, являются написания: „хресты" вместо „крьсты", а также „гвозды" вместо „гвозди".

Следует отметить, что подобные же следы новгородской фонетики можно найти в других текстах списка *С*, явно не новгородских по своему происхождению, например, в повести о битве при Калке 1224 года: „половчи", „кобяковиць", „поця" (поча), „сѣця", „концяша" и др.

---

[1] Ср.: А. А. Шахматов, ук. соч., стр. 130—131.

[2] См.: История русской литературы, т. II, ч. 1, 1945, стр. 74—77.